

Воинова Е.Н.

кандидат филологических наук
доцент, заведующий кафедрой белорусского языка
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины

ЛІНГВІСТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПЕРАКЛАДУ ПАЭМЫ М.Ю. ЛЕРМАНТАВА «МЦЫРЫ» НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Анотація. У статті розглядаються літературні та мовні особливості перекладу Аркадієм Кулешовим поеми М. Лермонтова «Мцири», підкреслюється висока майстерність перекладача в адекватному відтворенні лексичної, синтаксичної і художньої систем російського поетичного тексту засобами білоруської мови.

Ключові слова: переклад, лексичний еквівалент, художній образ, адекватна передача образу, книжнослов'янська лексика, особливості перекладу ритму.

Voinova E. Linguistic Features of Translation of M. Lermontov's Poem «Mtsyri» into Belarusian. The article examines the literary and linguistic features of Arkady Kuleshov's translation of M. Lermontov's poem "Mtsyri", emphasizes the translator's high skill in adequately recreating the lexical, syntactic and artistic systems by means of the Belarusian language of the Russian poetic text.

Keywords: translation, lexical equivalent, artistic image, book Slavonic vocabulary, features of rhythm and rhyme translation.

Сегодня хорошо осознается, что художественная интерпретация иностранного текста способствует обогащению интеллектуальной культуры народа, открывает широкие перспективы для обогащения национальной культуры и литературы. Произведения классиков русской литературы привлекали белорусских писателей и читателей мощной художественной правдой, национальностью, умением создавать народные образы, эстетически и психологически написанные на уровне самых совершенных шедевров мировой классики. В нашем исследовании мы хотели бы обратиться к анализу некоторых лингвистических особенностей перевода Аркадия Кулешова поэмы классика русской литературы М.Ю. Лермонтова «Мцири» на белорусском языке.

Несмотря на значительные успехи в теории и практике перевода, лингвистический, чисто языковой аспект художественного перевода остается недостаточно разработанным. Но для «практики перевода, а тем более его теории, необходима лингвистическая основа, знание законов, существующих между определенными языками» [5, с. 10]. Лингвистической основой художественного перевода является сравнение языковых единиц, выявление эквивалентов в переведенном тексте и языке оригинала. Такие эквиваленты могут быть полностью идентичными и точно передавать смысл и стилистический оттенок единицы переведенного произведения; эквивалент может быть выбран из синонимического ряда и немного отличается по объёму значения и функций. Наиболее интересны для исследователя случаи трансформированных эквивалентов, использование которых продиктовано влиянием поэтического контекста, творческой манерой переводчика, невозможностью сохранить предложение и т. д.

А. Кулешов хорошо понимал, что перевод классика русской литературы – это не только сохранение смысла оригинала, но и особенности его художественной специфики, органично сочетая верность лермонтовского текста с его художественной формой в белорусской версии. Очевидно, что воспроизведение творчества русского поэта не сдерживала творческой инициативы Кулешова-переводчика, не мешала его поискам. Несмотря на то, что белорусский автор, экспериментируя, искал свой оригинальный подход к переводу. Однако иногда он что-то теряет по сравнению с оригиналом, но стремится развивать свою личную систему перевода.

Синтаксическая структура поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри» очень богатая: в ней используются разные типы предложений – простые, односоставные, сложные, сложные синтаксические конструкции. Переводчик часто адекватно воспроизводит определенную синтаксическую конструкцию. Так, простое предложение он переводит простым: *И божья благодать сошла на Грузию* [3, с. 52]. – *Раскоша боская съшла на Грузію* [2, с. 8], сложноподчинённое – соответствующей конструкцией: *Ты хочешь знать, что видел я на воле?* [3, с. 55] – *Ты хочаш знаць, што бачыў я на волі?* [2, с. 12]. Сразу отметим, что простые предложения употребляются гораздо реже, чем сложные, что можно объяснить своеобразной интонацией лермонтовского произведения.

Однако больший интерес представляют случаи неадекватной передачи синтаксических конструкций. Замена – наиболее распространенный тип трансформации перевода. Могут быть заменены как грамматические единицы (словоформы, части речи, члены предложения, типы

синтаксической связи), так и лексические. «Замена в предложении обычно вызвана отсутствием той или иной конструкции в языке перевода, несогласованностью в употреблении конструкций, а также неодинаковым словоупотреблением, разными сочетаниями слов», – говорит М.С. Ржевутская [4, с. 11]. Так, А. Кулешов в большом количестве случаев передает сложное на языке оригинала предложение несколькими простыми или из простого делает сложное. Чаще всего такие трансформации наблюдаются в простых предложениях, усложненных обособленными определениями, причастными и деепричастными оборотами, которые, как известно, используются в белорусском языке достаточно ограничено: *Он на допрос не отвечал* [3, с. 53] – *Яго пыталі – ён маўчаў* [2, с. 9]; *И близок стал его конец; Тогда пришёл к нему чернец с увещаваньем и мольбой; И гордо выслушав, больной привстал, собрав остаток сил, и долго так он говорил* [2, с. 53] – *И надышоў яго канец. Тады наведваўся чарнец да падапечнага свайго. Той горда выслухаў яго. І ўстаў, з апошніх сіл, юнак, і доўга гаварыў ён так* [2, с. 9]; *Пышные поля, холмы, покрытые венцом дерев, разросшихся кругом, шумящих свежеею толпой, как братья в пляске круговой* [3, с. 55] – *Скрозь цвіла зямля. Палі, узгоркі бачыў зрок; іх атуляў жывы вянок дрэў, што сьшліся, як на сход альбо ў сяброўскі карагод* [2, с. 12]; *могучий конь, в степи чуждой, плохого сбросив седока,.. найдет прямой и краткий путь* [3, с. 67] – *Магутны конь на чужыне, калі няўдалага знарок скідае конніка,.. знаходзіць на радзіму шлях* [2, с. 25]. Но не во всех случаях А. Кулешов заменяет деепричастные обороты сложноподчинённым предложением либо совсем опускает их, иногда он сохраняет деепричастную конструкцию или вводит сравнение: *И гладкой чешуёй блестя, змея скользила меж камней* [3, с. 58] – *Змяя паўзла з імглы, халоднай ззяючы лускай* [2, 15]; *Держа кувшин над головой, грузинка.* [3, с. 61] – *Збан несучы над галавой, грузінка.* [2, с. 18]; *Я ждал, схватив рогатый сук* [3, с. 64] – *Чакаў я, востры ўзяўшы сук* [2, с. 22]; *Обнявшись крепче двух друзей* [3, с. 65] – *Сляліся.. мацней, чым шчырыя сябры* [2, с. 23].

Встречается и обратная трансформация – сложное предложение в тексте оригинала переводчик передаёт простым: *Однажды русский генерал из гор к Тифлису проезжал: ребенка пленного он вёз* [3, с. 52] – *Аднойчы рускі генерал вёз у Тыфліс з надхмарных скал малага хлопчыка ў палон* [2, с. 8]; *Он как живой в своей одежде боевой являлся мне, и помнил я...* [3, с. 52] – *Ягоны воблік баявы з'яўляўся мне з дзіцячых дзён..* [2, с. 13]. Такие трансформация синтаксических конструкций можно объяснить требованием сохранения рифмы и интонации.

Бывают случаи неадекватной замены синтаксической конструкции и при передаче односоставных предложений. Таким образом, при переводе двусоставного предложения в произведении Лермонтова оно передается А. Кулешовым односоставным. Чаще всего такие случаи связаны с пропуском личного местоимения, что помогает переводчику сосредоточить внимание читателя именно на действии: *Побрёл я в глубине лесной* [3, с. 66] – *Ішоу б'ясконцым лесам* [2, с. 24]; *я помнил смуглых стариков* [3, с. 56] – *смуглявых прыгадау дзядоу* [2, с. 13]. Иногда односоставное предложение переводчик трансформирует в двусоставное, вводя субъект действия: *мне стало страшно* [3, с. 59] – *страху не ўтаю .. я* [2, с. 16]; *и снова вслушиваться стал* [3, с. 60] – *зноу прыслухоўвацца я стау* [2, с. 16]; *хотелось мне* [3, с. 66] – *я так хацеу туды* [2, с. 20].

Что касается перевода главных и второстепенных членов предложения, то в большинстве случаев небуквальное воспроизведение наблюдается при переводе определений и дополнений, иногда сказуемых. Так, именное сказуемое А. Кулешов трансформирует в глагол, что несколько меняет значение высказывания: *Удар мой верен был и скор* [3, с. 65] – *Але я ўдар падрыхтавау* [2, с. 22]; простое глагольное в составное: *Вдали аул куриться начал* [3, с. 66] – *Дыміу аул* [2, с. 24]. В иных случаях замены микрообраза требуют не чисто лингвистические проблемы, а желание сохранить общее звучание поэмы Лермонтова. Переводчик иногда использует технику добавления, т.е. вводит новые компоненты в предложение, что приводит к расширению структуры предложения, а также к семантическим изменениям. Внесение дополнений объясняется различиями в лексических системах языка, необходимостью уточнения для носителя языка перевода реалий, упомянутых в переводе, несовпадением определенных образующих моделей оригинала и перевода, может быть вызвано предыдущими преобразованиями, а наиболее часто требованием сохранения рифмы, как это и происходит в переводе «Мцыри». Так, А. Кулешов иногда опускает эпитеты, сравнения, иные художественные детали либо вводит свои, несколько отличные от оригинала: *вдохнуть в мою измученную грудь* [3, с. 58] – *грудзьмі ўздыхаць* [2, с. 15]; *ночную свежесть тех лесов* [3, с. 58] – *гаючы пах лясных разложыстых галін* [2, с. 15]; *следы глубокие когтей* [3, с. 58] – *знак кіпцороу яго крываваых* [2, с. 24]; *И восток озолотился* [3, с. 59] – *Зямлю азалаціу усход* [2, с. 16]; *земля сырой покров их освежит* [3, с. 66] – *зямля схавает іх сляды* [2, с. 24]; *при свете лунных вечеров* [3, с. 56] – *пры бледным месяцы святле* [2, с. 13]; *Побрёл я в глубине лесной* [3, с. 66] – *Ішоу б'ясконцым лесам, без дарог* [2, с. 24]; *Туманный*

лес заговорил [3, с. 66] – *Ачнуўся лес* [2, с. 24]. Такая замена оправдана, потому что всегда нужно помнить, что словарный запас языка – это не просто набор слов, а система, допускающая бесконечно разнообразные, но не любые комбинации слов в любом контексте: отдельные элементы словаря связаны определенными семантическими и стилистическими отношениями. Эти обстоятельства проявляются в переводе и часто не позволяют использовать ближайший словесный эквивалент, требуют от переводчика длительного поиска семантического и стилистического варианта.

Замечается в переводе отдельных синтаксических конструкций отсутствие определения: *найдет прямой и краткий путь* [3, с. 67] – *знаходзіць на радзіму шлях* [2, с. 25]; *паляціў луч её обжэг* [3, с. 68] – *Яго прамень агнём апёк* [2, с. 26]; *без этих трёх блаженных дней* [3, с. 57] – *без тых трох дзён* [2, с. 14] і інш. Иногда отсутствие того или иного микрообраза связана с проблемой передачи на белорусский язык старославянизмов, не очень широко представленных в современном белорусском языке и заимствованных в основном через русский язык (глава, ісціна, саюз, благодзе, благаслаўляць, блажэння, славесны і г.д.). Как видим, они почти стилистически нейтральны, широко используются во всех сферах языка. По мнению М.Г. Булахова, «наличие старославянизмов в белорусском языке ограничивается невозможностью подчинения звуковой, морфологической и словообразовательной формы "чужого" слова национальной специфике» [1, 10]. Поэтому А. Кулешов, не найдя адекватной замены, просто опустил слово, т.е. грамматические законы белорусского языка заставляют отойти от буквы оригинала. Следует отметить, что случаи замены синтаксических конструкций, к которым относятся книжные формы, встречаются не так часто, в целом переводчик адекватно передает формальные особенности произведения средствами белорусского языка: *дружбы краткой* [3, с. 58] – *кароткай дружбы* [2, с. 14]; *низверженный с небес* [3, с. 59] – *нізрынуты з нябёс* [2, с. 16]; *гордый глас* [3, с. 60] – *горды голас* [2, с. 17]; *Взор кровавый устремлял* [3, с. 64] – *Крываваым вокам пазіраў* [2, с. 22]; *Но тщетно спорил я с судьбой* [3, с. 66] – *Дарма я з лёсам спрэчку веў* [2, с. 24]; *И кинул взоры я кругом* [3, с. 66] – *Я ўбачыў край перад сабой* [2, с. 24]; *мою усталую главу* [3, с. 68] – *хаваў у стоме галаву* [2, с. 26]; *надписью золотой* [3, с. 68] – *разьбою залатой* [2, с. 27].

Как видно, А. Кулешов обычно заменяет старославянскую лексику, употребленную в общем, нейтральном смысле, на стилистически

нейтральные белорусские эквиваленты: *краткой – кароткай; глас – голас; глава – голова, златой – залатой* и т.д. Переводчик, понимая, что, постоянно заменяя неполногласные формы – средство создания поэзии – полногласными, сокращает общую поэтическую ткань произведения. Но, с другой стороны, неполногласные формы не свойственны белорусскому языку, и, чтобы приблизить произведение к белорусскому читателю, переводчик сознательно пошел на такую замену. Книжнославянизмы, использовавшиеся для решения определенных художественных задач, для создания колорита времени, служили для характеристики некоторых образов, сохранились: *над моим челом свивался* [3, с. 68] – *над маім чалом закручваўся* [2, с. 26]; *лай знакомых псов* [3, с. 56] – *брэх знаёмых псоў* [2, с. 13]. В некоторых случаях переводчик для сохранения ритма, интонации строфы вообще опускает трудно переводимые книжнославянские слова: *браздя рассыпчатый песок* [3, с. 68] – *на сыпкаму пяску праклала баразну* [2, с. 27]; *чужд ребяческих утех* [3, с. 52] – *дзіцячых ён не знаў уцех* [2, с. 8]; *прах вился столбом* [3, с. 60] – *куруўся пыл услед за ім* [2, с. 17]; *играющий на солнце лист* [3, с. 68] – *ззяе ..на лісцях* [2, с. 30]. В одних случаях такая замена не влияет на общее ритмическое и интонационное звучание произведения, а в других отчётливо видна стилистическая сниженность перевода Кулешова по сравнению с лермонтовским произведением: *на краю грозящей бездны я лежал* [3, с. 59] – *ляжаў я ў стромы на краю* [2, с. 16]; *прилежный взор следит бы мог* [3, с. 60] – *старанны позірк прасачыць* [1, с. 17]; *Но с торжествующим врагом он встретил смерть лицом к лицу* [3, с. 66] – *Ды перад ворагам сваім смерць сустракаў ён твар у твар* [2, с. 23]; *Что я пред ним?* [3, с. 67] – *А я?* [2, с. 26]; *дышала сладость бытия* [3, с. 68] – *дзе ўсё жыло* [2, с. 26]; *изречь монашеский обет* [3, с. 53] – *манахам стаць ён быў гатоў* [2, с. 9].

Творческая доминанта М. Лермонтова чрезвычайно широка. Для него характерны лиризм и гражданственность, песенность и разнообразная палитра изобразительных средств языка. Можно с уверенностью сказать, что А. Кулешов хорошо справился с поставленной задачей – переводом сложной поэмы, предложил свои аналоги книжнославянской лексики, сумел умело передать волшебные строки поэмы и дал читателю полный высокохудожественный перевод, в котором отразились основные черты М.Ю. Лермонтов. Для перевода А. Кулешова характерен отход от буквализма при полном сохранении смысла оригинала, в нем органично сочетаются верность авторского текста с воспроизведением его художественной формы в белорусской версии.

Литература

1. Булахов М.Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков. М., 1979.
2. Куляшоў А. Збор твораў: У 5 т. Мн., 1977.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т.2. М., 1964.
4. Ржавуцкая М.С. Пераклад сінтаксічных канструкцый з беларускай мовы на рускую (на матэрыяле твораў Івана Мележа): аўтарэферат дысертацыі на атрыманне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук. Мн., 2000.
5. Фёдоров А. Основы общей теории перевода. М., 1968. С. 10.

Дземідзенка Л.П.

*старишы выкладчык кафедры беларускай мовы
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны*

**СІНТАКСІЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ЎСТАЎНЫХ І ПАБОЧНЫХ
КАНСТРУКЦЫЙ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ТВОРАЎ В. КАЗЬКО)**

Анотацыя. Стаття присвячена розгляду вставних та побічних конструцій мови творів Віктора Казька на основі дослідження широкого фактичного матеріалу, що підтверджується теоретичними висловлюваннями. Звертається увага на те, що використання плагіна та бічних конструцій мовою творів зумовлене тим, що ці конструції містять точні характеристики персонажа, виражають авторське ставлення до героя, роблять повідомлення більш точним і детальним.

Ключові слова: складові слова, побічні слова, функції, значення, синтаксичні елементи.

Demidenko L.P. Syntactic Features of Plug-in and Side Constructions (on the Material of V. Kazko's Works). The article is devoted to the consideration of insert and side constructions in the language of Victor Kazko's works on the basis of research of a wide factual material which is supported by theoretical statements. Attention is drawn to the fact that the use of plug-in and side constructions in the language of works is due to the fact that these constructions contain accurate characteristics of the character, express the author's attitude to the hero, make the message more accurate and detailed.

Keywords: insert constructions, side constructions, function, meaning, syntactic elements.